

Творение Нового мира в рассказе А. Платонова «Неизвестный цветок»

Екатерина Очкасова (образовательная программа «Филология»)

Мотив преодоления смерти, борьбы за продолжение жизни природы и космоса, по словам Баршта1, – один из основных мотивов всего творчества Платонова. Важность концепции создания Нового мира, преображения отжившего прошлого закономерно следует из той историко-культурной и идеологической ситуации, в которой родился и жил автор – сын машиниста, слесаря, человека, дважды приставленного к награде «Герой труда». О своем вступлении в партию Платонов писал так:

В коммунистическую партию меня ведет наш прямой естественный рабочий путь. Трудно сказать, почему я ранее не вступил в партию: были какие-то полудетские мечты, которые ели зря мою жизнь, мешали глазам видеть действительный человеческий мир, я жалею об этом.

Кроме того, идея о возрождении и преодолении смерти, своеобразным образом повторяющая диалектическую триаду Гегеля, не просто воспринятую русскими философами, но и очень ценимую в идеологии коммунизма, также является одним из источников этой концепции создания Нового мира – на руинах старого. Тем не менее в «программных» произведениях Платонова – повести «Котлован» и романе «Чевенгур» – перерождение мира в новом, более совершенном виде, которого так ждет читатель с самого начала повествования, в конце концов не происходит: работы на Котловане приостанавливаются, а Чевенгур, должный стать идеальным «коммунистическим» городом, после нападения на него оказывается уничтожен. Оба текста заканчиваются смертью и разрушением, за которыми не следует никакого возрождения.

Однако в одном из последних своих рассказов «Неизвестный цветок», написанном в 1950 году, всего за год до смерти Платонова, автору как будто бы удается «завершить» это (говоря гегелевским языком) «восхождение» жизни, эту метаморфозу, в ходе которой жизнь, проходя через смерть, возрождается в новом, более полном и совершенном виде.

Так, с самого начала рассказа в его образной структуре выделяются два основных полюса, противопоставленных друг другу: живое и мертвое. Все пространство, весь мир природы, описанный в условной «первой» части рассказа, до встречи «маленького цветка» и девочки Даши, состоит из противостоящих друг другу элементов: травы и камней; сухости и влаги;

1 Баршт К. Поэтика прозы Андрея Платонова. СПб., 2000. С. 37.

2 Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 53.

3 См. многочисленные конспекты Ленина, его комментарии и пересказы сочинений Гегеля.

Творение Нового мира в рассказе А. Платонова «Неизвестный цветок»

пыли, песка и черной, влажной почвы. Однако «элементов» неживого в начале текста оказывается больше, чем «элементов» живого; жизнь «маленького цветка» – не жизнь, а постоянное выживание, преодоление смерти, она как бы «дается» читателю в самом начале текста: «Жил на свете маленький цветок⁴», – и сразу же ставится в невозможные для существования условия, проверяется на прочность.

В этом контексте интересно указать на особое начало рассказа: перед читателем предстает картина неизвестного пустого пространства, «пустыря», о котором не знают ни люди, ни животные, где не растет трава – а только ветер, как «дедушка-сеятель», «гуляет»⁵ по нему. Так, очевидна аллюзия – едва ли не цитирование – на текст Священного писания о первом дне творения:

Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.
(Быт. 1:2)

Дух Божий, существующий еще до всякого творения, предстает в тексте в виде «ветра», а семена, которые он роняет как на «добрую землю», так и на «голый камень»⁶, – то же Слово, которым Бог творит мир. Таким образом, с первого же абзаца в тексте развивается не только мотив жизни, преодолевающей смерть, но и – через отсылки к тексту Библии – мотив творения Нового мира.

Кроме того, здесь кажется неслучайной и параллель с известной притчей о сеятеле, описанной у трех евангелистов⁷, а также авторское определение жанра этого произведения – «сказка-быль». Семя цветка, упавшее на «сухую мертвую глину»⁸, согласно тексту притчи, должно или не взойти вовсе, или умереть от восхода солнца. Тем не менее цветок не умирает, а приспособляется к такой жизни, будучи семенем, он раскрывает весь свой «потенциал», он живет вопреки всему. Следовательно, эта «сказка-быль» словно переписывает знакомый сюжет притчи и изменяет ход истории. Платонов не просто постулирует первенство и силу жизни – жить вопреки всему, он также переносит притчу о сеятеле в другую плоскость – теперь это не просто одна из «поучительных» историй, которые рассказывал Христос, чтобы донести самое важное; притча становится «сказкой-былью». Не лишая нарратив

⁴ Платонов А. Неизвестный цветок // Платонов А. Собраний сочинений: В 8 т. Т. 7: Сухой хлеб. М., 2012. С. 178. Здесь и далее цитаты из рассказа даются по этому изданию с указанием страницы.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См.: Мф. 13:3-23; Мк. 4:3-20; Лк. 8:5-15.

⁸ Платонов А. Неизвестный цветок. С. 178.

Творение Нового мира в рассказе А. Платонова «Неизвестный цветок»

«нереального», автор, тем не менее, переводит его из области исключительно диалектической в область действительно существующего; он как бы спускает эту историю на землю и, тем самым, как мы увидим в конце рассказа, заявляет возможность построения Нового мира и преодоления смерти.

Помимо всего этого в первой части рассказа также важную роль играет мотив труда: именно благодаря усердию и терпению «неизвестному цветку» удастся оставаться живым:

Но он нуждался в этой жизни и превозмогал терпением свою боль от голода и усталости. Лишь один раз в сутки цветок радовался: когда первый луч утреннего солнца касался его утомленных листьев⁹.

Таким образом, оказывается, что только труд и личное усилие способны противостоять всепоглощающей смерти. Кроме того, здесь можно увидеть и мотив возрождения, данный через образ «луча утреннего солнца». Солнце, по словам Баршта, в поэтике Платонова является тем наивысшим абсолютным «добром», «источником энергии», который может противостоять всему злу на земле, даже самой смерти¹⁰; а значит, именно надежда на возрождение, воплощенная в вечном возрождении солнца, дает цветку силы на продолжение своего труда, на то, чтобы жить. Кажется, что здесь Платонов еще раз акцентирует внимание на возможности реального возрождения жизни из смерти, ведь сама природа, наиважнейший элемент в образной и, можно сказать, идеологической системе Платонова возрождается каждый день, а восход солнца – начало этого возрождения.

Условная вторая часть рассказа начинается с описания встречи девочки Даши и «неизвестного цветка». Если до этого пространство вокруг цветка было пустым, ненаселенным, а взгляд на цветок был исключительно объективным, то теперь вводится субъект, глазами которого читатель видит этот цветок. Интересно, что в конце первой части автор говорит о слепоте цветка:

Сам цветок, однако, этого не знал: он ведь был слепой и не видел себя, какой он есть¹¹.

Однако и девочка Даша никак не описывает цветок: она *слышит* его благоухание, говорит о его особенности:

⁹ Платонов А. Неизвестный цветок. С. 179.

¹⁰ Баршт К. Указ. соч. С. 129.

¹¹ Платонов А. Неизвестный цветок. С. 179.

*Даша никогда еще не видела такого цветка – ни в поле, ни в лесу, ни в книге на картинке, ни в ботаническом саду, нигде*¹².

Внешний вид «неизвестного цветка» дается читателю только объективно, «глазами автора», как бы извне пространства рассказа; в то же время постоянно говорится о чудесном запахе цветка: именно его слышит Даша и ее друзья, его разносит ветер по округе. Согласно книге Баршта, состояние слепоты в поэтике Платонова – это «указание на высокую степень энергетического истощения»¹³, которое, как пишет исследователь, необходимо для поддержания жизни природы, для проявления ее потенциала и, следовательно, для возрождения жизни. Значит, ни один из героев рассказа не обладает достаточным количеством «энергии», чтобы увидеть цветок – а это, как кажется, еще одно указание на несовершенство существующего мира, который необходимо перестроить.

С появлением в рассказе человека к тому чувству грусти и печали, которые автор приписывает цветку в начале текста, прибавляется и более сильное, эмоционально окрашенное чувство тоски – Даша встречает цветок, когда она грустит по матери. С одной стороны, здесь проявляется мотив отсутствия связи с родной землей, мотив оторванности, сиротства, тоски по дому, который, как пишет Баршт, также является маркером отсутствия «энергии», истощенности героев рассказа¹⁴; с другой стороны, именно благодаря чувству тоски девочка замечает «неизвестный цветок», происходит встреча, благодаря которой в конце рассказа рождается Новый, особый мир. Так, образ цветка связывается у Даши с образом матери, детства и дома:

*Даша вспомнила одну сказку, ее давно рассказывала ей мать. Мать говорила о цветке, который все грустил по своей матери – розе, но плакать он не мог, и только в благоухании проходила его грусть*¹⁵.

Эти воспоминания дают Даше силы, «энергию» на то, чтобы «открыться в мир»¹⁶, чтобы развернуться от своего письма, на котором сосредоточено все ее внимание, от личного – к общему, к природе, к миру вокруг нее. Как только этот «разворот» происходит, Даша сразу же проводит параллель между собой и цветком, таким образом приближаясь к миру природы, вновь обретая свои «корни».

¹² Там же. С. 180.

¹³ Баршт К. Указ. соч. С. 130.

¹⁴ Там же. С. 112.

¹⁵ Платонов А. Неизвестный цветок. С. 180.

¹⁶ Баршт К. Указ. соч. С. 108.

Кроме того, важно отметить образ цветка в романтической традиции – в сказке Новалиса «Гиацинт и Розенблюм» или во сне главного героя романа «Генрих фон Офтердинген» – образ голубого цветка является символом другого, лучшего мира, ответом на все вопросы, воплощением истины¹⁷ (интересно, что похожая функция образа цветка встречается у Платонова в рассказе «Цветок на земле»¹⁸, однако мотив возрождения мира там никак не проявляется), герои отправляются на поиски цветка, испытав чувство тоски, томления. То же самое чувство тоски по дому заставило Дашу обратить внимание на цветок – а значит, благодаря тоске стало возможно возрождение мира.

Важный образ солнца, который уже встречался в начале рассказа, непрямо проявляется и в эпизоде встречи Даши и цветка: Даша целует цветок в светящуюся головку точно так же, как первые солнечные лучи касаются его «утомленных листьев». Значит, девочка Даша в этот момент «перенимает» на себя функции солнца: теперь она оказывается носителем того добра, той высшей силы, которая способна противостоять смерти.

Во второй части рассказа получает свое основное развитие и мотив труда, а вместе с ним и образ пионеров как молодых строителей нового (коммунистического) мира. Пионеры, которых приводит с собой Даша, продолжают труд цветка и делают то, что не под силу ему самому: они изменяют качество почвы:

*Они хотели, чтобы и на пустыре земля стала доброй. Тогда и маленький цветок, неизвестный по имени, отдохнет, а из семян его вырастут и не погибнут прекрасные дети, самые лучшие, сияющие светом цветы, которых нету нигде*¹⁹.

Таким образом, если проводить параллель с евангельской притчей, в этом рассказе человек оказывается сильнее случайности, зерно в каком-то смысле становится сильнее сеятеля, а человек – сильнее Бога и божественной предопределенности: человек сам способен изменить обстоятельства, он не следует установленному порядку как покорный раб, а берет на себя работу Солнца и Творца и изменяет мир вокруг себя – не «словом», как будто бы бездейственным, но Трудом, тяжелой, терпеливой работой.

Вторая часть рассказа заканчивается с отъездом Даши и наступлением осени. Автор акцентирует внимание читателя на смене сезонов, таким образом еще раз показывая

¹⁷ Несомненно, эта коннотация образа была известна в России 1950-х годов: во-первых, уже существовал перевод романа Новалиса, во-вторых, на сцене МХТ в 1908 году была поставлена пьеса Метерлинка «Синяя птица», заимствовавшая ту же романтическую традицию синего-голубого цвета.

¹⁸ Платонов А. Цветок на земле // Платонов А. Собраний сочинений в 8 т. Т. 7: Сухой хлеб. М., 2012. С. 122–126.

¹⁹ Платонов А. Неизвестный цветок. С. 181.

цикличность мира и, тем самым, заявляя возможность создания Нового мира, возродившегося из пепла. Так, спустя год Даша вновь приезжает на «пустырь», где она встретила цветок; она как бы завершает годичный цикл, вновь оказываясь на том же месте в то же – циклически – время.

В последних абзацах третьей части рассказа завершается метаморфоза: глазами Даши читатель видит возрождение жизни из смерти, завершение «восхождения» мира, жизни к новой, абсолютной ступени существования. «Неизвестный цветок» погиб, но на его месте вырос Новый цветок, «такой же точно, как тот старый цвет, только немного лучше его и еще прекраснее»²⁰; однако именно «неизвестный» цветок дал начало этому возрождению, именно его борьба и его труд, а также деятельность человека, внимательного к природе и миру вокруг себя, сделали возможным невозможное, то, что не удалось героям «Котлована» и «Чевенгура», – они смогли возродить жизнь, создать Новый мир и дать надежду на светлое будущее.

Кроме того, интересно, что читатель «наблюдает» цветок семь раз: вся первая часть – описание цветка; диалог Даши и цветка; четыре дня работы пионеров вокруг цветка; и прощание Даши с цветком. На следующее лето, когда Даша вновь оказывается на «пустыре», читатель видит не сам цветок – а его потомка, Новый цветок. Таким образом, можно сказать, происходит завершение седьмого дня творения: когда Земля будет досоздана, когда неделя творения завершится, и Творец «проснется», продолжая «свои дела»²¹, тогда завершится несовершенство, тогда мир проснется от смерти, от несовершенного бытия – и наступит Новая жизнь. Таким образом, автор еще раз акцентирует внимание на всемогуществе человека, на том, что Новый человек (в данном случае девочка Даша и ее друзья-пионеры) может взять на себя функции Солнца и Творца, может стать носителем высшего Добра и самостоятельно изменить мир.

Библиография

Барит К. Поэтика прозы Андрея Платонова. СПб., 2000.

Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Моск. Патриархия, 1988.

Варламов А.Н. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011.

²⁰ Там же. С. 182.

²¹ И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в онный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал. (Быт. 2:3)

Творение Нового мира в рассказе А. Платонова «Неизвестный цветок»

Платонов А. Неизвестный цветок // Платонов А. Собраний сочинений: В 8 т. Т. 7: Сухой хлеб. М., 2012. С. 178–182.